

Обзорная статья

УДК 81'32, 81-11

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-92-108

РОССИЙСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К ФУНКЦИОНАЛИЗМУ

Алпатов Владимир Михайлович

Институт языкознания РАН,

Москва, Россия,

v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Аннотация. В 1960–1970-е годы в советской лингвистике важное место занимали структурные методы изучения языка, особо популярна была модель «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука. Представлялось, что модель для конкретного языка — совокупность правил, которые должны иметь «чисто механическое применение» на вычислительной машине. Лингвистика понималась как естественная наука. В последние десятилетия в России, наоборот, в центре внимания — гуманитарные аспекты, от структуры языка фокус интереса переместился на изучение функционирования языка. Области исследования значительно расширились, но резко снизилась строгость подходов.

Ключевые слова: теоретическая лингвистика, модель «Смысл ↔ Текст», И. А. Мельчук, А. Е. Кибрик.

Для цитирования: Алпатов, В. М. (2025). Российская лингвистика: от структурализма к функционализму. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(59), 92–108. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-92-108>

Благодарности: автор благодарит С. А. Крылова и А. К. Поливанову за высказанные замечания.

Review article

UDC 81'32, 81-11

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-359-92-108

RUSSIAN LINGUISTICS: FROM STRUCTURALISM TO FUNCTIONALISM

Vladimir M. Alpatov

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,

v-alpatov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Abstract. In the 1960s and 1970s, structural methods of language learning occupied an important place in Soviet linguistics, and the «Meaning ↔ Text» model by I. A. Melchuk was particularly popular. It seemed that a model for a specific language was a set of rules that should have a «purely mechanical application» on a computer. Linguistics was understood as a natural science. In recent decades, on the contrary, the focus in Russia has been on humanitarian aspects, and the attention has shifted from the structure of language to the study of language functioning. The fields of research have expanded significantly, but the rigor of the approaches has decreased dramatically.

Keywords: theoretical linguistics, the «Meaning ↔ Text» model, I. A. Melchuk, A. E. Kibrik.

For citation: Alpatov, V. M. (2025). Russian linguistics: from structuralism to functionalism. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(59), 92–108. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2025-359-92-108>

Acknowledgements: the author expresses his gratitude to S. A. Krylov and A. K. Polivanova for their comments.

Введение

В статье речь идет о развитии теоретической лингвистики в СССР, затем России в период с 60-х годов XX века до современности. При этом лишь эпизодически затрагиваются процессы, происходившие в то же время в других странах; систематическое сопоставление с ними того, что было и есть в России, — особая задача.

Разумеется, автор не ставит перед собой задачи подробно охарактеризовать все направления советской/российской науки о языке за указанный период. Они в странах с развитыми научными традициями всегда бывают разнообразными и разнородными: одни из них влиятельны и заметны (не всегда при этом многочисленны: ср. глоссематику в Дании или школу Э. Сепира в США), другие маргинальны. Одни направления предлагают нечто новое (или забытое старое, подвергшееся трансформации), другие идут по накатанным путям. Меня прежде всего интересует динамика развития лингвистики в данной стране,

выделение влиятельных и в той или иной степени господствующих парадигм, смена приоритетов, при которых степень их влиятельности может меняться.

Вторая половина 1950-х годов для советской науки о языке была ознаменована проникновением идей и методов западной структурной лингвистики. Если до того по-русски были изданы еще в 1930-е годы лишь немногие, хотя важнейшие работы: «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, «Язык» Э. Сепира и «Язык» Ж. Вандриеса, то в это время появились и другие значительные публикации структуралистских работ разных времен и направлений (Балли, 1955; Трубецкой, 2000; Ельмслев, 1960; Глисон, 1959). В 1960 году была организована серия «Новое в лингвистике» (позднее — «Новое в зарубежной лингвистике»), выходившая до конца советской эпохи. В журнале «Вопросы языкознания» в те годы был раздел «Консультации», где специально объяснялись недостаточно известные идеи и методы западной лингвистики. Разумеется, западные лингвистические работы изучали и в оригинале (ранее существовавшие ограничения в доступе к ним уже были отменены). Именно тогда начал использоваться, в том числе как самоназвание, термин «структурная лингвистика». В те годы, вплоть до второй половины 1960-х годов (отчасти и позже), в СССР, безусловно, господствовало представление о структурализме как о лице мировой науки о языке.

Все это, конечно, не значит, что ранее идеи и методы современной западной науки у нас совсем не были известны. Например, в год начала войны появилась статья А. А. Реформатского, где рассматривалась структурная фонология американских дескриптивистов; ее автор писал:

«Фонологические работы американских лингвистов имеют много пересечений с трудами советских языковедов, что вызывает особый интерес к американским исследованиям» (Реформатский, 1941/1970, с. 241) (указаны годы первой и последующей публикации. — В. А.).

Тем более нельзя говорить, что советская наука о языке не развивалась по пути структурализма. Здесь прежде всего следует назвать московскую фонологическую школу (В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов, А. М. Сухотин), сложившуюся в начале 1930-х годов. В ее рамках развивалась фонологическая концепция, подобная пражской. Среди лингвистов, близких к структурализму, следует отметить также А. И. Смирницкого.

Однако знакомство с западной наукой принесло и нечто принципиально новое: это была математизация и формализация лингвистики. В западной науке, прежде всего в американской, этот процесс начался несколько раньше, чем в Советском Союзе. Однако к середине прошлого века определенные теоретические и практические результаты уже были получены. В нашей стране это было время массового увлечения физикой и другими точными науками, связанного с успехами страны в освоении атома, космоса и др., основой этой точности считалась математика. Придя с Запада, идея математизации лингвистики легла в СССР на хорошо подготовленную для этого почву. В то время главенствовала идея о том, что от математизации науки напрямую зависит степень

ее развития. Из всех гуманитарных наук именно в лингвистике применение точных методов оказалось наиболее распространенным. В 1960-х годах стали популярными и прикладные исследования, посвященные методам автоматической обработки текста и машинному переводу. Подобные лингвистические разработки прикладного характера инициировали структурные исследования, оказывая им своеобразное прикрытие.

Можно сказать, что с середины XX века в лингвистике СССР задавали тон структуралисты, пусть не составлявшие большинства. Однако в США тогда уже начиналась эпоха генеративизма: «Синтаксические структуры» Н. Хомского вышли еще в 1957 году. Но в СССР это было оценено не сразу, хотя на книгу Н. Хомского сразу появилась рецензия (Падучева, 1959), а вскоре она была издана по-русски (Хомский, 1962). Но она долго воспринималась лишь как наиболее существенная попытка распространить идеи дескриптивизма на синтаксис. Понимание качественного отличия генеративизма от структурализма пришло лишь к концу 1960-х годов (Ревзин, 1967, с. 20, и др.).

Впрочем, прямое освоение генеративного подхода за редкими исключениями (Ю. С. Мартемьянов, К. И. Бабицкий) в СССР не происходило. Более характерными были попытки создания альтернативы генеративизму, самой заметной из них стала модель «Смысл ↔ Текст», занимавшая видное место в отечественной науке 1960–1970-х годов. Лидером этого направления стал И. А. Мельчук (ряд работ он издавал вместе с А. К. Жолковским). Его новаторские для того времени идеи и личная харизма привлекли многих лингвистов, особенно молодых. Наиболее подробно эти идеи были изложены в книге (Мельчук, 1974). Как нам представляется, эта книга четко выразила принципы ведущего направления советского структурализма 1960–1970-х годов. И. А. Мельчук определил место модели в мировой науке:

«Наша теоретическая база — это “генеративно-трансформационное” учение Н. Хомского, естественным развитием которого и является, по нашему мнению, данная модель (Мельчук, 1974, с. 17).

В то же время он многое не принимал в этом учении, в том числе излишнее сосредоточение на формальном аппарате (так, по крайней мере, он высказывался устно). Представляется, что большее влияние на его модель оказали идеи Р. Якобсона, выделявшего в речевой коммуникации согласно ролям два языковых аспекта: говорящий и слушающий, кодирующий и декодирующий:

«В процессе общения наличествуют оба пути, и отношения между ними основываются как сказал бы Бор, на принципе дополнительности» (Якобсон, 1965, с. 401).

Аналогично считал и И. А. Мельчук:

«Естественный язык — это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им тексты» (Мельчук, 1974, с. 9).

Модель «Смысл ↔ Текст» задумана не как преобразующее, а как порождающее устройство. В задачи данной модели входил, во-первых, переход

от текста, созданного на естественном языке, к формальному представлению смысла данного текста, во-вторых, переход уже от смысла к тексту, несущему смысл (Мельчук, 1974, с. 5). Автор подчеркивал, что решение данных задач должно происходить параллельно.

И. А. Мельчук пишет, что описание языка или фрагмента языка означает построение модели «Смысл ↔ Текст» для данного языка или фрагмента языка (Мельчук, 1974, с. 5). Модель для конкретного языка представляет собой организованный определенным образом комплекс правил, при этом их «*чисто механическое применение*» (здесь и далее курсив мой. — В. А.) призвано производить оба перехода (Мельчук, 1974, с. 5). Кроме того, для обеспечения проведения научного исследования нужно описать смысл на формальном языке (Мельчук, 1974, с. 10). Иными словами, речь идет от стандартизации как структурной, так и семантической составляющих языка:

«Модель “Смысл ↔ Текст” должна быть задана *совершенно формально* — посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого его фрагмента на вычислительной машине» (Мельчук, 1974, с. 20).

Однако И. А. Мельчук признавал, что на современном этапе развития лингвистики построение полной модели определенного языка нельзя признать возможной (Мельчук, 1974, с. 5). Главную причину автор видел в недостаточной разработке разделов языкознания (синтаксиса и семантики):

«Мы отметим следующий (впрочем, общеизвестный) факт: семантика — наименее разработанная область лингвистики. В самом деле, главные успехи лингвистики до 50-х гг. XX в., как сравнительно-исторической, так и описательной, относятся прежде всего к фонологии, в меньшей степени — к морфологии и в еще меньшей степени — к синтаксису; при этом в морфологии и в синтаксисе изучалась в основном чисто формальная сторона — правила комбинирования означающих» (Мельчук, 1974, с. 53).

И. А. Мельчук не следовал идеям Н. Хомского о центральной роли синтаксиса, его модель включала в себя на равных правах семантический, два синтаксических и два морфологических компонента (полная модель должна была включать в себя и фонетический компонент, но в книге он не рассмотрен). Однако в семантике было труднее всего формулировать правила, осуществимые на вычислительной машине. В этом вопросе И. А. Мельчук (как и сам Н. Хомский) апеллировал к интуиции носителей языка:

«С формальной точки зрения понятие равнозначности является у нас неопределяемым... Понятие равнозначности текстов принимается как интуитивно очевидное» (Мельчук, 1974, с. 10).

Возникает вопрос о том, как обращение к носителям языка сочеталось с формализацией, необходимой для модели. В сущности, в основе лежал естественно-научный взгляд на объект изучения. В случае отсутствия формальных

процедур (например, с равнозначностью) автор обращался к антропоцентризму. Тем не менее основополагающим оставался машинный подход к языку.

Отметим еще некоторые черты концепции И. А. Мельчука, важные для ее сравнения с тем, что возобладало в СССР позже. Он, в частности, писал:

«Подход к естественному языку как к преобразователю “Смысл ↔ Текст” вытекает, по существу, из общепринятого положения о том, что язык — это, прежде всего, орудие общения между людьми, т. е. средство передачи мыслей. Это положение давно стало прописной истиной, из которой, однако, не всегда делаются надлежащие выводы» (Мельчук, 1974, с. 12).

Иными словами, И. А. Мельчук придерживался распространенной в то время точки зрения, которую принимали многие ученые — от Ф. Энгельса до Р. Якобсона. Тем не менее он признавал следующее:

«Функция преобразования “Смысл ↔ Текст” отнюдь не является для естественного языка единственной. По-видимому, не менее важной (а возможно даже, что более важной, во всяком случае — исторически) следует считать роль языка как средства оформления мыслей, как средства организации не только интеллектуального, но и всего иного опыта и поведения человека. Хорошо известны и другие существенные функции языка (которые, впрочем, тесно связаны с коммуникативной функцией, т. е. именно с преобразованием “Смысл ↔ Текст”») (Мельчук, 1974, с. 26).

К тому времени уже существовал иной подход: признавая, разумеется, и коммуникативную функцию, он ставил на первое место функцию, которую Э. Сепир называл символической, а позже стали именовать когнитивной.

Далее приведем два высказывания:

«Поскольку лингвист как таковой не занимается и — по крайней мере в настоящее время — не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т. п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного “черного ящика”» (Мельчук, 1974, с. 13).

И далее:

«Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т. п.) реальностью речевого поведения» (Мельчук, 1974, с. 27).

Важным представляется заимствование из кибернетики понятия черного ящика, вошедшего в отечественную и зарубежную лингвистическую науку. Реальные процессы речи И. А. Мельчука и его коллег не интересовали, на модель возлагалось решение задачи обеспечения результата, а не поиска адекватных реальности путей. Реальность описывали узкие специалисты лингвистики (например, представители казавшейся в то время маргинальной экспериментальной фонетики) и исследователи, чьи изыскания находились вне рамок языкознания того времени (психолог А. Р. Лурия и его ученики).

В модели «Смысл ↔ Текст» не рассматривались и другие аспекты. Так, не учитывались историческая, социальная и другие функции языка (Мельчук, 1974, с. 27). Предполагалось возможным сосредоточиться на первоочередной цели, а затем, когда она будет достигнута, можно было бы заняться и другими проблемами, пути решения которых с помощью формальных методов пока неясны. По сути, на таких позициях стояли многие лингвисты, начиная с Ф. де Соссюра, отделявшего внутреннюю лингвистику от всего остального.

И. А. Мельчук полагал, что «дать теоретической (= научное) описание какого-либо объекта значит, прежде всего, указать некоторые элементарные (по крайней мере, более простые, чем сам объект) компоненты, из которых он состоит (плюс правила соединения этих компонентов)» (Мельчук, 1974, с. 57).

Такая точка зрения, пришедшая из естественных наук, также была широко распространена в структурной лингвистике (ее придерживались пражцы, глоссематики). В частности, вслед за чехословацким лингвистом В. Скаличкой выделялись элементарные единицы значения — семы, образующие «базовый алфавит семантического представления» (Мельчук, 1974, с. 57). Интересно, что И. А. Мельчук сравнивал лингвистику с естественно-научными дисциплинами, в частности с химией:

«Без использования инвентаря сем развитие теоретической лингвистики становится столь же утопичным делом, сколь, например, развитие химии без представления об атомном строении материи вообще и без знания атомного строения химических элементов» (Мельчук, 1974, с. 59).

Модель И. А. Мельчука отражала идеи своего времени о том, что язык следует изучать исходя из естественно-научных принципов с непосредственным применением математических методов. Таким образом, языковеды тех лет выводили лингвистику из гуманитарной сферы и переводили ее в область точных наук. Структуралисты полагали, что формальные модели языка, осуществимые при помощи вычислительных моделей, возможны в ближайшем будущем. Такое мнение нашло отражение и в литературе. Так, в повести «Попытка к бегству» братьев Стругацких (Стругацкий, Стругацкий, 1964) люди, один из которых лингвист, из XXIII века оказываются на чужой планете. Проблема коммуникации с представителями другой цивилизации успешно решается лингвистом путем дешифровки и разработки системы машинного перевода. Авторы полагали, что подобная деятельность через триста лет станет обыденной и распространенной, см.: (Вельмезова, 2014, с. 337–382).

Модель «Смысл ↔ Текст» с середины 1960-х до конца 1970-х годов была в СССР самым массовым и самым популярным направлением такого рода в науке о языке, имевшим фанатичных приверженцев. У него появлялись конкуренты, наибольшую активность среди них выказывала группа разработчиков аппликативной модели во главе с С. К. Шаумяном. Встречались и исследователи-одиночки: И. И. Ревзин, Ю. К. Лекомцев, И. Ф. Вардуль, Б. В. Сухотин и др.

Близкие к модели «Смысл ↔ Текст» идеи без использования какого-нибудь формального аппарата высказывал в то время В. Г. Гак.

Разумеется, развитие науки о языке в СССР 1950–1970-х годов далеко не исчерпывалось структурной лингвистикой. Она была довольно резко противопоставлена «традиционной лингвистике», количественно преобладавшей. Это направление не составляло какого-то единства, особенно в научном плане. Некоторые ученые этого лагеря (Ф. П. Филин) сочетали традиционное понимание лингвистики как исторической науки и подчеркнутый эмпиризм с поверхностным социологизмом, см. об этом: (Алпатов, 2005, с. 221–222). Однако среди традиционалистов могли быть и языковеды, испытавшие влияние эстетического идеализма (Р. А. Будагов), и ученые, остававшиеся на позициях структурализма 1920–1930-х годов (Р. И. Аванесов, к тому времени разошедшийся с друзьями по московской фонологической школе, и его ученики), и просто далекие от размышлений над теорией специалисты по конкретным языкам. В основном вне теоретических споров развивались компаративные исследования. Им уделяли внимание параллельно с иными сюжетами некоторые ученые структуралистского лагеря (В. В. Иванов, В. Н. Топоров), но в большинстве этот лагерь был сосредоточен на синхронии. Показательно, что на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ), являвшемся центром подготовки лингвистов нового типа, в то время сравнительно-историческое языкознание не преподавалось вообще. Ряд впоследствии известных компаративистов в 1960–1970-е годы получали подготовку в данной области за пределами МГУ, прежде всего на семинарах Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР (здесь велика была роль А. Б. Долгопольского и В. А. Дыбо).

Многие из традиционалистов критически оценивали деятельность новаторов, их аргументация чаще всего не была убедительной. В. И. Абаев писал, что «в языке переплетаются две системы: познавательная и знаковая. Элементы первой соотносимы с элементами объективной действительности и отражают в конечном счете структуру последней. Вторая (знаковая) система определяется внутриязыковыми корреляциями. В первой системе элементами структуры являются значения, во второй — чистые отношения. Лексика есть преимущественная сфера первых, фонетика — вторых. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимают морфология и синтаксис» (Абаев, 2006, с. 103).

Автор считал, что структурные методы применимы только для изучения знаковой системы; поэтому они успешно используются в фонологии, к ним частично обращаются ученые — морфологи и синтаксисты. Однако в семантических исследованиях подобные методы не принесли результатов. В. И. Абаев критиковал и математизацию науки о языке в целом. Математическую лингвистику как отдельную дисциплину он называл скрещением «псевдолингвистики

с псевдоматематикой» (Абаев, 2006, с. 119) и бегством «от человеческого фактора» (Абаев, 2006, с. 122). Это мнение было спорным и вызвало резко негативную реакцию со стороны советских структуралистов, однако некоторые его оценки структурализма с позиций извне имели основания. Например, об отставании структурной семантики писал и И. А. Мельчук, но он верил во всемогущество формальных методов. В. И. Абаев же вообще подвергал сомнению возможность ее построения. Однако и многие бывшие сторонники модели «Смысл ↔ Текст» впоследствии признали, что семантику надо строить иначе, чем в классическом структурализме, где, в частности, переоценивалось значение компонентного анализа.

К началу 1980-х годов ситуация в советской лингвистике заметно стала меняться. Здесь играли роль и внешние события, особенно эмиграция И. А. Мельчука в 1977 году. Но влияло и развитие самой науки. Ее новый этап, как представляется, особенно явно отразился в статье А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», которая впервые была издана в 1983 году на основе доклада, произнесенного годом раньше; далее цитируется окончательный вариант статьи в авторском сборнике 1992 года (Кибрик, 1992). Безусловно, в ней отразились идеи, высказывавшиеся тогда, а иногда и раньше, и другими лингвистами в СССР. Автор статьи начинал работать в рамках модели «Смысл ↔ Текст», но в данной публикации предложил во многом иную концепцию. Среди постулатов особо отметим следующие:

«Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен “на самом деле”» (Кибрик, 1992, с. 19).

«Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» (Кибрик, 1992, с. 20).

«Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени преодолены семантическим уровнем» (Кибрик, 1992, с. 21).

«Исходными объектами лингвистического описания следует считать суть смысла» (Кибрик, 1992, с. 25).

Сам автор отмечал, что данные постулаты уже озвучивались в науке, однако именно в то время они стали наиболее актуальны. Так, о первом постулате А. Е. Кибрик писал:

«Что такое “язык на самом деле”? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке. В отличие от метода “черного ящика” “естественное” моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть, как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т. д. <...> Предполагается, что различные по своему устройству объекты такого класса сложности, к которому относится естественный язык, не могут иметь идентичных “входов” и “выходов”. Конечно, далеко не все из перечисленных здесь процессов сейчас могут изучаться

непосредственно, о многом мы можем судить лишь по косвенным данным, а во многих случаях пока что можно лишь высказывать более или менее правдоподобные гипотезы. Но стремление к указанной в вышеприведенной цитате адекватности очень важно, а оно заставляет расширять границы науки о языке и сближать ее с другими науками о человеке» (Кибрик, 1992, с. 19–20).

Ф. де Соссюр, Н. Хомский и И. А. Мельчук сужали объект лингвистики. А. Е. Кибрик же, наоборот, расширяет его в значительной степени. То, что исключается из лингвистики на одном этапе, подключается к изучению на другом (Кибрик, 1992, с. 20).

Постулаты А. Е. Кибрика также были направлены против генеративной лингвистики, считающей строение языка независимым от его использования и подчиняющей семантику синтаксису; и в модели «Смысл ↔ Текст» не было приоритета семантики: она ставилась в один ряд с синтаксисом. Для автора постулатов иерархия иная: «Можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения» (Кибрик, 1992, с. 20).

Автор подчеркивал, что грамматическое описание должно быть неформальным, необходимо понять, как «устройство грамматической формы отражает суть смысла» (Кибрик, 1992, с. 20).

Относительно формальных методов А. Е. Кибрик высказывался иначе, чем его современники. Признавая необходимость разработки формального аппарата, автор подчеркивал, что его применение для описания естественных языков должно быть аккуратным. Безусловно, формализация способствует упорядочению и дисциплине, однако любое формальное описание можно изложить и неформально (Кибрик, 1992, с. 42–43). А. Е. Кибрик считал, что:

«Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностьную модель на принципе *неполной детерминированности*» (Кибрик, 1992, с. 33).

В заключении статьи А. Е. Кибрик высказывает спорную идею о том, что язык устроен просто, представления же о языке, высказываемые учеными, довольно сложны (Кибрик, 1992, с. 25). Иными словами, математизация лингвистики оказалась полезна, но показала определенные ограничения по ее использованию.

В 1980-е годы XX века новое поколение лингвистов смотрело на объект исследования сходным образом. Например, Е. В. Рахилина выделила два взгляда на язык: антропоцентризм, учитывающий интуицию и интроспекцию, и системноцентризм, стремящийся к строгости и математизации по образцу естественных наук, порождающих абсолютно различные подходы к исследованию языка (Рахилина, 1989, с. 51) (ср. различие двух направлений у В. Н. Волошинова). Автор поднимает важный вопрос о том, какие результаты получаются при опоре на один из двух подходов:

«Серьезные достижения словоцентричным подходом были получены в фонологии, морфологии, типологии (синхронной и диахронической)», но «в семантических исследованиях нельзя обойтись без учета личности носителя языка» (Рахилина, 1989, с. 51).

Е. В. Рахилина вряд ли знала то, что до этого писал В. И. Абаев, но выводы оказались схожие. Однако, в отличие от В. И. Абаева или В. Н. Волошинова, Е. В. Рахилина признает оба подхода нужными, но применимыми для решения различных задач.

В 1982 году новаторские взгляды А. Е. Кибрика не нашли понимания у большинства его современников. Тем не менее лингвистика уже тогда начала двигаться в этом направлении, что наиболее эксплицитно прослеживалось в более широкой тематике исследований. К 1970-м годам стали развиваться новые дисциплины (прагматика, теория речевых актов, лингвистика текста, дискурсивный анализ). В них «на первый план выдвигаются задачи исследования коммуникации» (Николаева, 1978, с. 19). Коммуникативная функция языка признавалась главной и у И. А. Мельчука, но в его модели сам процесс коммуникации оставался в стороне. Теперь обратились и к нему, и он все чаще оказывался в центре внимания.

Лингвистика в СССР, затем в России перешла от преимущественного изучения проблемы «Как устроен язык?» к изучению проблемы «Как функционирует язык?». Место модели «Смысл ↔ Текст» оказалось ничем не занято, а генеративизм в стране так и не стал ведущим направлением, хотя отдельные его рабочие приемы и термины могут использоваться довольно многими.

В России в качестве обобщающего термина иногда употребляется понятие «функционализм», которое понимается либо в широком, либо в узком смысле. В первом случае к нему относят современные лингвистические направления, нацеленные на изучение функционирования языка и использование его человеком (прагматика, теория речевых актов, исследование языковых картин мира, социолингвистика и т. д.). Узкое понимание функционализма подразумевает включение традиционных лингвистических направлений (типология, грамматическая и лексическая семантика и др.), но подходящих к ней иным образом. Что касается влияния западных ученых, то наиболее значимыми оказались концепции лингвистов, работавших вне рамок хомскианства, включая американских (Ч. Филлмор, Т. Гивон и др.). Помимо этого, среди предшественников современных исследований особенно активно используются идеи таких ученых прошлого, как Э. Сепир, М. М. Бахтин и др.

Ранее говорилось о том, что И. А. Мельчук, признавая роль языка средства организации не только интеллектуального, но иного опыта человека, изучал язык как лишь как средство передачи мыслей. Современные российские лингвисты изучают две языковые функции: когнитивную и коммуникативную. При этом в объект исследования когнитивной лингвистики включают и изучение коммуникативных процессов, благодаря чему «когнитивная лингвистика»

отождествляется с функциональной лингвистикой, см., например: (Кибрик, Кошелев, 2015, с. 22). Ряд авторов говорит о двух режимах существования языка: онлайн и офлайн, — при этом первый из них связан с дискурсом и коммуникацией, использованием языка в реальном времени. Второй же, по мнению авторов, — это «язык как хранилище знаний, сюда относятся хранение языка в долговременной памяти, лексическая семантика, статические аспекты грамматики» (Кибрик, Кошелев, 2015, с. 22).

«В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на *постулат об исходной мотивированности языковой формы*: в той мере, в какой языковая форма моитирована, она “отражает” стоящую за ней когнитивную структуру» (Кибрик, 2015, с. 32).

Это отражение, разумеется, не идентично исходной структуре, но варьирование исходной формы ограничено.

В последние годы существования Советского Союза и в дальнейшем в России активно развивались семантика и типология. В обеих дисциплинах возникали идеи, противопоставленные структурализму, сфокусированному на устройстве языка в отрыве от его использования, и генеративизму, постулирующим независимость строения языка от его функционирования.

Для типологических исследований последних десятилетий характерна общность в одном отношении: по-разному они стремятся выйти за рамки формальной описательной типологии. Как писал А. Е. Кибрик, «на смену безраздельного господства... КАК — типологии приходит *объяснительная ПОЧЕМУ* — типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явления» (Кибрик, 1977/1989, с. 29).

Ранее типология придерживалась направления от формы к значению, теперь же воплощается концепция движения от значения к форме, причем не только к грамматическому, но и к лексическому выражению. В области типологии российская лингвистика смогла получить признание за рубежом.

Другой областью стала семантика, доля семантических исследований заметно выросла, по сравнению со структурной лингвистикой. В 1970-е гг. формируется московская семантическая школа во главе с Ю. Д. Апресяном; большое значение имели выполненные в эти годы исследования Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой и др. К тому времени стало ясно, что для построения семантики нужна выработка новых методов, направленных на изучение не только устройства языка, но и его функционирования (об этом еще в 1960-е гг. писал В. Г. Гак). И у нас стали развиваться новые области исследований, ранее считавшиеся не относящимися к лингвистике: теория речевых актов, прагматика и др. Стало окончательно ясно, что семантика не может сводиться к изучению значений отдельных слов и грамматических форм, что, впрочем, признавал и И. А. Мельчук. Необходим анализ целых высказываний, не сводимый к компонентному анализу, в том числе к выделению сем.

В качестве объекта исследования семантика стала выступать лишь вместе с появлением работы по прагматике и/или в русле теории речевых актов.

«Прагматизация значения имела далеко идущие последствия: значение высказывания стало считаться неотделимым от прагматической ситуации, а значение многих слов начали определять через указание на коммуникативные цели речевого акта. ... Значение слова стало рассматриваться в связи с коммуникативной направленностью речевого акта, то есть как орудие, посредством которого мы совершаем действие» (Арутюнова, Падучева, 1985, с. 13).

Таким образом, тезис Н. Хомского о ведущей роли синтаксиса опровергался и опровергается почти всеми советскими и российскими лингвистами.

С семантикой тесно связано изучение так называемых языковых картин мира, основанное на идеях немецкого ученого В. фон Гумбольдта и начатое американцами Э. Сепиром и Б. Уорфом в 30-е годы прошлого века. Некоторое время изучение языковых картин мира оставалось вне фокуса внимания лингвистов, но в последнее время ученые все чаще проявляют интерес к изучению данного аспекта, во многом опираясь на подходы А. Вежбицкой. Лингвисты ставят себе задачу описать национальную картину мира носителей различных языков.

На данном этапе ученые обратили свой взор на происходящее в реальности, т. е. на то, как порождается и воспринимается речь. Данный аспект стал одним из центральных объектов изучения в лингвистике, в отличие от науки 1960-х гг. Отметим, что артикуляционные механизмы изучаются с XIX века, в то время как работа мозга долго оставалась вне поля зрения лингвистов, т. е. преобладала концепция черного ящика. Такие исследования ведутся давно, однако в рамках психологии и физиологии. Лингвистика же обратила внимание на данную проблематику сравнительно недавно. Первые шаги в этом направлении активно предпринимают отечественные лингвисты (Т. В. Черниговская и ее сотрудники и др.).

Функциональная лингвистика находится на стадии постоянного расширения своих интересов. Но параллельно с этим заметно снижение уровня научной строгости: не только потерял интерес к математизации лингвистической науки, но и стали возможными исследования, в которых не применяются строгие методы вовсе. Иными словами, мы впадаем в другую крайность: в отличие от ученых 60–70-х гг. прошлого века, современные лингвисты далеки от строгости в своих чисто гуманитарных исследованиях. Безусловно, надо считаться с тем, что формализация прагматики или когнитивных процессов значительно сложнее, скажем, построения формальной словоизменительной морфологии русского языка, когда-то блестяще осуществленного А. А. Зализняком, поскольку намного сложнее сам объект. Но все-таки задача формализации не только не откладывается на потом, что делал в ряде случаев И. А. Мельчук, но вообще не имеет в виду.

И. А. Мельчук ратовал за присоединение лингвистики к естественно-научным дисциплинам, в современном же языковедении преобладают гуманитарные

аспекты. Есть и точка зрения, согласно которой лингвистика как одновременно естественный феномен и продукт деятельности человека находится посередине между гуманитарными и естественно-научными дисциплинами (Кибрик, Кошелев, 2015, с. 21). Однако чисто гуманитарная направленность проявляется чаще.

Это особенно наглядно видно в публикациях, описывающих различные картины мира. Авторы подобных работ связывают язык с нравственными ценностями, образом жизни того или иного социума, с душой целого народа.

Другой пример. В России, особенно в регионах (Пермь, Волгоград, Саратов, Красноярск и др.), сегодня активно развивается изучение речевых жанров. Следуя идеям М. М. Бахтина, ученые изучают структурные, прагматические особенности тех или иных жанров (комплименты, разговоры по душам и пр.). Однако разграничения жанров на данном этапе детально не выявлены.

Можно согласиться с тезисом А. Е. Кибрика о том, что расширение границ лингвистики не означает, что она должна поглотить чуть ли не всю гуманитарную проблематику. Но как очертить эти границы? В этой связи вспоминается тезис В. Н. Волошинова о том, что отечественная лингвистика перешла от объективизма к крайнему субъективизму.

Как нам представляется, изучение картин мира отражает некий шаг вперед, стремление перепрыгнуть через необходимые этапы анализа, пропустив этап разработки метода изучения. Например, известная гипотеза языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа находит подтверждение во многих языковых фактах, но ведь есть и другие факты, которые ее опровергают. Поскольку до сих пор не выработаны критерии оценки данных фактов, гипотеза остается недоказанной.

Безусловно, забегание вперед — естественное явление в истории науки о языке. Праязык индоевропейской семьи реконструировали, когда еще ничего не знали о многих ее ветвях. Прологомены Л. Ельмслева так и остались прологоменами. Во многом забеганием вперед была и модель И. А. Мельчука, включавшая в себя семантический компонент при неразработанности семантики. Однако такие не обеспеченные тылами прорывы вперед могут оказаться полезными, даже если цель будет признана утопической. Но теперь лишь историческое значение имеют попытки ученых XIX века на основе праязыковых реконструкций перейти к проблеме происхождения языка. И вопрос о том, можно ли из наблюдений над языком вывести, скажем, этику его носителей, остается открытым.

Исследователь речевых жанров В. В. Дементьев пишет, что в функциональной лингвистике мы имеем «поле, на котором выделяются..., с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой — определенное множество образцов... прокомментированного материала» (Дементьев, 2013, с. 31).

«Самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, постулатные модели, которые могут быть очень красивы сами по себе, но при этом не иметь большого отношения к особенностям

конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» (Дементьев, 2013, с. 42).

Конечно, язык не только представляет собой внешнюю форму, но и является важнейшим компонентом человеческой культуры. И, несмотря на то что история лингвистических исследований уже довольно долгая, особая сложность объекта такого рода исследований обуславливает тот факт, что ученые находятся все еще в самом начале пути. И до построения здесь формального аппарата очень далеко.

Представляется, что в лингвистике уже не первое столетие соперничают два подхода. Их справедливо выделил В. Н. Волошинов, хотя с его оценочностью нельзя согласиться; скорее, права была Е. В. Рахилина, говорившая об истине посередине. Подходу, последовательно проводимому в структурализме, но существовавшему и ранее, свойственны стремление к проведению строгих границ, обособлению лингвистики от других наук, рассмотрению объекта как замкнутой системы, ограничению задач своей науки относительно узким их кругом, будь то сравнение родственных языков и реконструкция праформ или же структурный анализ фонологии и морфологии. Таким образом, он стремится к упорядочению. Подход В. фон Гумбольдта, напротив, расширяет рамки лингвистики, включая ее в междисциплинарные исследования, поощряет постановку глобальных задач, не требует строгости и обязательной проверки полученных результатов. Некоторым образом это увеличивает хаос, и отечественная лингвистика наших дней, по-видимому, имеет данный вектор движения. А как удастся справиться с хаосом — будущее покажет. Если провести аналогию с математикой, развитие науки — «метод последовательных приближений» к истине, и, видимо, пути здесь могут быть разными.

Список источников

1. Балли, Ш. (1955). *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. (Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель, пер.). Издательство иностранной литературы.
2. Трубецкой, Н. С. (2000). *Основы фонологии*. Аспект Пресс. 2000.
3. Ельмслев, Л. (1960). Прологомены к теории языка. *Новое в лингвистике*, Вып. I, 264–389. Издательство иностранной литературы.
4. Глисон, Г. (1959). *Введение в дескриптивную лингвистику*. (Е. С. Кубрякова, В. П. Мурат, пер.). Издательство иностранной литературы.
5. Реформатский, А. А. (1970). *Из истории отечественной фонологии*. Очерк. Хрестоматия. Наука.
6. Падучева, Е. В. (1959). Рецензия на: Хомский Н. Синтаксические структуры. *Вопросы языкознания*, (1), 13–138.
7. Хомский, Н. (1962). Синтаксические структуры. *Новое в лингвистике*, вып. 2, 412–527. Издательство иностранной литературы.
8. Ревзин, И. И. (1967). *Метод моделирования и типология славянских языков*. Наука.
9. Мельчук, И. А. (1974). *Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»*. Семантика, синтаксис. Наука.

10. Якобсон, Р. (1965). Выступление на первом международном симпозиуме «Знак и система языка». В В. А. Звягинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*: в 2 т. Т. 2. С. 395–402. Просвещение.
11. Стругацкий, А., & Стругацкий, Б. (1964). *Попытка к бегству*. [Фантастическая повесть]. Молодая гвардия.
12. Вельмезова, Е. В. (2014). *История лингвистики в истории литературы*. Индрик.
13. Алпатов, В. М. (2005). *Волошинов, Бахтин и лингвистика. Языки славянских культур*.
14. Абаев, В. И. (2006). Об историзме в описательном языкознании. *Статьи по теории и истории языкознания* (с. 99–107). Наука.
15. Кибрик, А. Е. (1992). *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. Издательство МГУ.
16. Рахилина, Е. В. (1989). О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой. *Язык и когнитивная деятельность* (с. 46–51). Институт языкознания АН СССР.
17. Николаева, Т. М. (1978). Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. *Новое в лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста*, 5–39. Прогресс.
18. Кибрик, А. А., & Кошелев, А. Д. (2015). От составителей: когнитивная лингвистика — в поисках единства. *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика* (с. 21–28). Языки славянских культур.
19. Кибрик, А. А. (2015). Когнитивный подход к языку. *Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика* (с. 29–59). Языки славянских культур.
20. Кибрик, А. Е. (1989). Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая? *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания* (с. 5–15). Издательство МГУ.
21. Арутюнова, Н. Д., & Падучева, Е. В. (1985). Истоки, проблемы и категории прагматики. *Новое в лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика*, 8–42. Прогресс.
22. Дементьев, В. В. (2013). *Коммуникативные ценности русской культуры. Категория личности в лексике и прагматике*. Глобал Ком.

References

1. Bally, S. (1955). *General linguistics and issues of the French language*. (E. V. Ventzel, T. V. Ventzel, Trans.). Izdatel'stvo inostrannoj literatury'. (In Russ.).
2. Trubetskoy, N. S. (2000). *Fundamentals of phonology*. Aspect Press. (In Russ.).
3. Yelmslev, L. (1960). Prolegomena to the theory of language. *New in linguistics*. Issue I, 264–389. Izdatel'stvo inostrannoj literatury'. (In Russ.).
4. Gleason, G. (1959). *Introduction to descriptive linguistics*. (E. S. Kubryakova, V. P. Murat, Trans.). Izdatel'stvo inostrannoj literatury'. (In Russ.).
5. Reformatsky, A. A. (1970). *From the history of Russian phonology*. Essay. Anthology. Nauka. (In Russ.).
6. Paducheva, E. V. (1959). Review of: Chomsky N. Syntactic structures. *Voprosy yazykoznaniya*, 1, 13–138. (In Russ.).
7. Chomsky, N. (1962). Syntactic structures. *New in linguistics*, Issue II, 412–527. Izdatel'stvo inostrannoj literatury'. (In Russ.).
8. Revzin, I. I. (1967). *Method of modeling and typology of Slavic languages*. Nauka. (In Russ.).

9. Melchuk, I. A. (1974). *The experience of the theory of linguistic models «Meaning ↔ Text». Semantics and syntax*. Nauka. (In Russ.).
10. Jakobson, R. (1965). Speech at the first international symposium «The sign and the system of language». In V. A. Zvyagintsev. *History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts: in 2 vols. Vol. 2*. P. 395–402. Prosveshchenie.
11. Strugatsky, A., & Strugatsky, B. (1964). *Escape Attempt to*. [A fantastic story]. Molodaya Gvardiya. (In Russ.).
12. Velmezova, E. V. (2014). *The history of linguistics in the history of literature*. Indrik. (In Russ.).
13. Alpatov, V. M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin and linguistics*. Yazy'ki slavyanskix kul'tur. (In Russ.).
14. Abaev, V. I. (2006). On historicism in descriptive linguistics. *Articles on the theory and history of linguistics* (p. 99–107). Nauka. (In Russ.).
15. Kibrik, A. E. (1992). *Essays on general and applied issues of linguistics*. Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).
16. Rakhilina, E. V. (1989). On conceptual analysis in A. Vezhbitskaya's lexicography. *Language and cognitive activity* (p. 46–51). Institut yazy'koznaniya AN SSSR. (In Russ.).
17. Nikolaeva, T. M. (1978). Linguistics of the text. Current state and prospects. *New in linguistics. Issue VIII. Linguistics of the text* (p. 5–39). Progress. (In Russ.).
18. Kibrik, A. A., & Koshelev, A. D. (2015). From the compilers: cognitive linguistics — in search of unity. *Language and thought. Modern cognitive linguistics* (p. 21–28). Yazy'ki slavyanskix kul'tur. (In Russ.).
19. Kibrik, A. A. (2015). Cognitive approach to language. *Language and thought. Modern cognitive Linguistics* (p. 29–59). Yazy'ki slavyanskix kul'tur. (In Russ.).
20. Kibrik, A. E. (1989). Typology: Is it taxonomic or explanatory, static or dynamic? *Essays on general and applied issues of linguistics* (p. 5–15). Izdatel'stvo MGU. (In Russ.).
21. Arutyunova, N. D., & Paducheva, E. V. (1985). The origins, problems and categories of pragmatics. *New in linguistics. Issue XVI. Linguistic pragmatics*, 8–42. Progress. (In Russ.).
22. Dementiev, V. V. (2013). *Communicative values of Russian culture. The category of personality in vocabulary and pragmatics*. Global Com. (In Russ.).

Информация об авторе

Владимир Михайлович Алпатов — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языкознания РАН.

Information about the author

Vladimir M. Alpatov — D. Sc. (Philology), Professor, full member of the Russian Academy of Sciences, Chief Scientific Officer, The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.